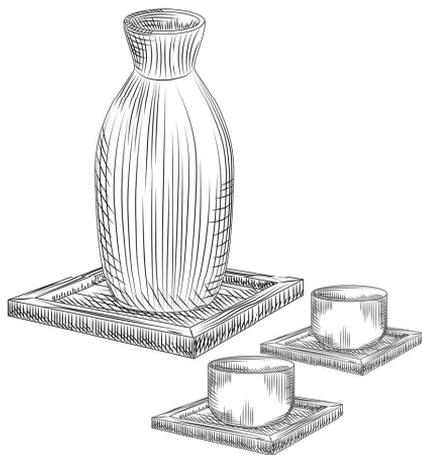

Рант Азия

ВЕРА ЛЕЙМАН

Трактир
Волшебная
жемчужина

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6=44
Л42

Иллюстрация *Yasha Wang*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Лейман, Вера.

Л42 Трактир «Волшебная жемчужина» / Вера Лейман. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (ФантАзия).

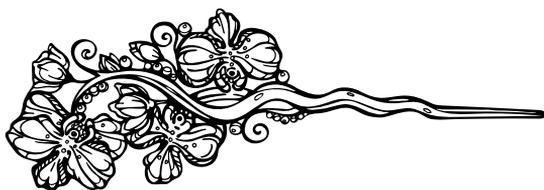
ISBN 978-5-17-168280-4

В средневековой Корее эпохи Чосон существовало поверье: в канун Нового года по лунному календарю убирать обувь с порога, чтобы ее не украли злые духи. Иначе семью постигнут несчастья. Дочь королевского советника Ким Енын, зачитавшись до ночи любовным романом, забыла об этой традиции и утром обнаружила в своей комнате саркастичного духа, который хочет забрать ее жизнь и стать человеком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6=44

ISBN 978-5-17-168280-4

© Вера Лейман, текст
© Yasha Wang, иллюстрация
© В оформлении макета использованы
материалы по лицензии @shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

Нарождающийся месяц закрыли тучи, и на улице заметно похолодало. Слуги уже гасили в доме огни, а семья министра Кима готовилась ко сну. Енын, по обычаю, перед сном собралась к матушке пожелать ей спокойной ночи, получить поцелуй и благословение. Проходя мимо покоев отца, она не увидела там свет, а значит, отец лег раньше, утомленный государственными делами. Последние дни он засиживался допоздна, из-за чего выглядел утомленным и бледным, поэтому дочь беспокоилась за его здоровье. Да и желание родителей выдать ее замуж пришлось некстати и добавляло ей переживаний... Енын передернула плечами, вспоминая недавний разговор с матерью.

— Тебе уже семнадцать, пора подумать о замужестве, — сказала матушка, улыбаясь тепло и мягко.

Не ожидая, что беседа примет такой оборот, Енын распахнула глаза и ахнула, поздно спохватившись, что благородной девице не подобает так явно демонстрировать свои чувства.

— За-замужество? — тихо переспросила Енын, во все глаза глядя на спокойную мать, для которой, по-видимому, это решение было чем-то само собой разумеющимся.

— Дитя мое, хватит бегать по городским улицам и рынкам, ты уже не ребенок. Раньше я смотрела на твои шалости сквозь пальцы, но ты уже вступила в брачный возраст, и пора подумать о будущем. Ты аристократка, дочь советника, которого очень ценит Его Величество. Отныне веди себя достойно. Нельзя, чтобы на нашу семью пала тень. — Матушка не повышала голоса, говорила все так же ровно и спокойно, но Енын почувствовала скрытое за этими словами предупреждение.

С тех пор дочь министра Кима не могла думать ни о чем другом, кроме предстоящего замужества. Родители не посвящали ее в детали, сказав, что вплотную займутся поисками достойной для нее партии.

На днях служанка Суджон рассказала, что недавно батюшка нанес визит министру Яну, чей сын был ровесником Енын, и это заставило ее увериться, что именно его выбрали в качестве будущего жениха. Болтушка Суджон, которая дружила со слугами из многих знатных домов, также узнала, что старший сын господина Яна редко бывает в столице, потому что служит в военном гарнизоне Кымджона.

Неужели после свадьбы Енын придется распрощаться с семьей? Уехать с мужем, пока не закончится срок его службы и он не вернется обратно в Ханян¹!?

¹ Столица Кореи во времена династии Чосон, ныне Сеул. — *Здесь и далее прим. автора.*

Она не готова расстаться с родными на долгих три года, но, что еще важнее, — она не хотела выходить замуж за незнакомца. Енын каждый раз спрашивала Суджон, хорош ли собой ее будущий жених, высокий ли, статный ли, но та не смогла ничего для нее разузнать, потому что молодой господин Ян покинул столицу семь лет назад в возрасте десяти лет, и никто из слуг не знал, как он выглядит сейчас.

Мечты о любви, которые Енын лелеяла с раннего возраста, вдребезги разбились о неприглядную действительность, и на душе у нее было грустно и гадко. Как же она завидовала простым людям, которые могли свободно любить, кого хотят... Аристократы же не имели права выбора. Конечно, решение о свадьбе с сыном господина Яна еще не было окончательно принято, но Енын чувствовала, что это лишь вопрос времени.

Легкие снежинки, кружась в хаотичном, но завораживающем хороводе, мягко ложились на землю, укрывая погруженный в тишину двор. Завтра начнутся празднования Нового года, и Енын мечтала пойти на площадь, чтобы увидеть представления и запустить воздушного змея¹. Она до сих пор не понимала, каким образом диковинное сооружение из бумаги парит в воздухе, и ей очень хотелось понаблюдать за его удивительным полетом. В народе говорили, что это духи стихий уносят его в небо, а не человек, управляющий им с земли. Енын не знала, правда это или нет, но ей нравилась мысль, что не люди, а кто-то боль-

¹ По преданию, во время празднования Нового года люди запускали в небо воздушных змеев, чтобы отпустить все плохое, что было в прошедшем году.

шой и сильный руководит всем на свете, дарит жизнь, льет с неба дождь, а утром выпускает на волю солнце. Возможно, это были сами Небеса? Тогда почему же ее судьбой управляют люди? Неужели у них есть на это право?..

Спрятав руки в рукава короткой блузки-чогори¹, она на секунду остановилась посреди двора и вздохнула. Маленькое облачко пара от ее дыхания быстро растворилось в воздухе. Енын посмотрела на небо. Нужно как можно быстрее закончить традиционные вечерние церемонии с матушкой, потому что сегодня дочери советника Кима предстояло совершить еще один вопиющий поступок. Только от этой мысли ей становилось страшно, но она не могла унять нервный трепет от предвкушения.

Отодвинув вправо створку двери, обтянутой рисовой бумагой, Енын поклонилась матушке и опустилась на пол, подогнув под себя ноги. Пол был горячим², и она приложила к нему замерзшую ладонь, почувствовав идущее снизу тепло.

— Дитя мое, ты очень бледна. Тебе нездоровится? — спросила госпожа Ли, от внимания которой не ускользнул лихорадочный блеск в глазах дочери.

— Все хорошо, матушка, просто на улице холодно. — Енын улыбнулась, чувствуя вину за то, что об-

¹ Блузка или жакет, основной элемент ханбока, корейского национального наряда, как мужской, так и женской его разновидности. Чогори закрывает руки и верхнюю часть тела.

² В Корее существует система отопления — ондоль. Ее особенностью является то, что тепло идет с локальной зоны на полу, используемой для сна, приема гостей, работы. Система ондоль является аналогом русской печи с лежанкой.

манывает мать. Что бы она сказала, если бы узнала, что задумала ее дочь!

Матушка была образцом воспитанности и мудрости, но Енын не унаследовала ни ее мягкой величавости, ни благородных черт лица, с детства доставляя неудобства своим вызывающим поведением и непокорным нравом. Ей не нравились долгие церемонии, сдержанность и степенность, с юных лет она сбегала из дома, задирала детей простолюдинов и даже однажды подралась с одним мальчишкой из-за сушеной хурмы, которую он украл у торговца. Тогда мать не рассказала об этом отцу, но выпорола Енын мокрыми розгами, запретив покидать поместье. Вот только бунтарский дух дочери никуда не делся и после наказания, поэтому через некоторое время она снова стала сбегать из дома, теперь переодеваясь служанкой. И вот, спустя пять лет после того, как ее поймали и выпороли, Енын официально разрешили пойти на площадь праздновать наступление Нового года, правда, в сопровождении охраны и служанки Суджон.

Енын нравились простые люди. Они были как из другого мира: грубые, неотесанные, но настоящие. Без аристократической искусственности, бессмысленных долгих церемоний. Свободные и простые, как воздушные змеи, парящие в воздухе.

Дочь советника завидовала им, когда слушала истории в трактирах о дальних странах, неизведанных местах или увлекательные сказания артистов на городской площади. И к семнадцати годам у нее сложилось ощущение, что она ничего не знает о мире, потому что провела всю свою жизнь в замкнутом про-

странстве родительского дома. Словно маленькая рыбка в искусственном пруду во дворе их поместья. Ее кормили, чистили водоем, следили за уровнем воды, но, при всей заботе, она так и осталась крохотной рыбкой, не знавшей ни свободы, ни настоящей жизни. А Енын так хотелось почувствовать все, что переживают обычные люди! Любить и страдать, трепетать от страсти, ждать встречи с любимым, тосковать в разлуке и умирать от нежности в момент воссоединения. Увы, скоро она выйдет замуж за нелюбимого, и ей придется навсегда похоронить свои мечты.

— Сегодня новолуние, завтра большой праздник. Не забудь спрятать обувь перед сном, не то злые духи украдут твои туфельки, и нашу семью постигнут неудачи¹, — наставляла госпожа Ли мягким голосом.

— Хорошо, матушка, — послушно склонила голову Енын.

— Спи спокойно, дитя мое, — ласково проговорила госпожа Ли и, невесомо поцеловав дочь в лоб, отпустила ее.

Енын почти бегом кинулась к своей комнате, скинула туфельки и, не забыв взять их с собой, погасила светильник. Легла на постель с гулко колотящимся сердцем и натянула до подбородка одеяло. Чутко прислушиваясь к тихим разговорам слуг во дворе, она нетерпеливо ждала, когда все уснут, чтобы выбраться из дома. Ей не впервой было идти наперекор традиции-

¹ В Чосоне существовало поверье, что, если в канун Нового года не убрать обувь с порога, ее украдут злые духи, и семью постигнут болезни и неудачи.

ям, но такую неслыханную дерзость она собиралась совершить впервые, и от этой мысли внутри все дрожало от страха и предвкушения.

— Молодая госпожа, вы уже спите? — Суджон, как всегда, не вовремя вошла в комнату и прищурилась, пытаясь разглядеть хозяйку в темноте.

Енын судорожно дернулась под одеялом и натянула его на голову, боясь, что служанка увидит ее повседневную одежду.

— Да... уже засыпаю... — притворившись сонной, пробормотала Енын.

— Спите спокойно, моя госпожа. — Видимо, удовлетворившись ответом, служанка тихонько вышла. Ее силуэт мелькнул на фоне тонкой бумажной двери и растворился в темноте ночи.

Наконец, когда все стихло, Енын на цыпочках прокралась к двери, медленно отодвинула створку и, оглянувшись по сторонам, шагнула за порог. Надев расшитые цветами лотосов туфельки, она подобрала длинный подол пышной юбки и маленькими перебежками стала продвигаться к потайной калитке на заднем дворе. Сердце билось так, будто сейчас выломает ребра и выпрыгнет на холодную землю перед ней. Руки дрожали, и Енын покрылась липким потом, несмотря на стоявший на улице мороз.

Еще раз обернувшись, она осторожно потянула за кольцо на калитке и выглянула на улицу. Никого. Святые Небеса, где же Ючон?! Он уже должен был ждать ее здесь! Неужели обманул? Нет, не может быть, за два няна¹ он прибежит даже от Восточных ворот.

¹ Денежная единица в Чосоне.

Ждать было страшно, и Енын заметалась возле калитки, не зная, что делать: вернуться или остаться? А вдруг ее хватятся? Или увидят обходящие поместье караульные? Тогда никакого праздника, матушка раз и навсегда запретит ей покидать дом! Но желание пойти наперекор всем и получить то, что хочется, все-таки пересилило страх.

Как назло, совсем недалеко она услышала шаркающие шаги стражников и нырнула за куст замерзшего шиповника. Отсветы горящих факелов проплыли прямо над головой, и Енын зажмурилась, молясь, чтобы охрана ее не заметила. Тихо переговариваясь, солдаты прошли мимо, оставив девушку сидеть на холодной земле и дрожать от страха и холода. Как только они скрылись за поворотом, в калитку тихо постучали: два раза длинно, один коротко. Енын чуть не подпрыгнула от неожиданности и дрожащей рукой открыла дверцу. Из узкой щели на нее смотрели два задорных глаза.

— Ты почему так долго? — зло шикнула она на Ючона.

— Караульных испугался, — ответил он, обнажая в широкой улыбке две черные прорехи на месте выбитых когда-то зубов. — Пришлось переждать, пока пройдут.

— Принес? — Енын перешла сразу к делу.

— А как же! — Парнишка сунул руку за пазуху и достал завернутую в грубую бумагу книгу, запечатанную сургучом.

Енын достала из поясного мешочка два няна и протянула ему.

— И что в этой книге такого важного? О чем она, а? — Взамен протягивая товар, мальчишка с жадностью схватил деньги, которые тут же исчезли в складках его грязного, рваного одеяния.

— Тебя не касается. — Енын придирчиво оглядела упаковку на предмет целостности и облегченно вздохнула: Ючон хоть и был воришкой, но слово свое сдержал и не стал смотреть содержимое. Если бы увидел, то... Енын поморщилась — она бы еще долго стыдилась смотреть ему в глаза.

— Если что еще надо будет, обращайтесь, молодая госпожа, — подмигнул он и скрылся в темноте.

Енын аккуратно свернула книгу в трубочку и зашунула в рукав. Посидела еще некоторое время за кустом, прислушиваясь, не идет ли кто, затем поднялась и побежала к своей комнате, инстинктивно пригибаясь к земле, будто так ее не заметят.

Вскочив на ступеньку, она скинула туфли и осторожно шагнула на деревянный порог, неслышно отворила дверь спальни и юркнула внутрь, едва переводя дух. О наставлениях матушки Енын совсем не думала, все ее мысли занимала заветная книга, которая досталась такой дорогой ценой. А потому она забыла спрятать обувь.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Енын подняла одеяло с пола и, накинув его на ширму, за которой обычно переодевалась, соорудила нечто вроде шалаша, а затем отнесла в свое убежище светильник и с замиранием сердца зажгла огонь. Все это она продумала уже давно, когда только прослышала о запретной книге знаменитого среди простого народа писателя, который творил под псевдонимом Лунный Влюбленный.

Енын устроилась на полу и аккуратно сломала печать. Книга жгла пальцы, от нетерпения кружилась голова. Перед Енын словно разверзлась бездна, в которую она собиралась шагнуть. Если матушка узнает, что ее дочь читает любовные романы... Нет, Енын даже думать не могла о том, что ее тогда ждет. Гнев родителей был самым ужасным наказанием. Даже страшнее, чем розги.

Трясущиеся пальцы открыли первую страницу. На ней была изображена красивая кисен¹, за которой в проделанную в двери дырку подглядывал молодой аристократ. Енын жадно погрузилась в чтение, глотая слова. С каждой перевернутой страницей иллюстрации становились все более откровенными, и Енын почувствовала странный жар внизу живота.

«— Будь моей! — пылко сказал Сонхва и заключил Мен Воль в свои объятия. — Мне все равно, как тебя зовут, ты любовь моей жизни!»

Кисен игриво дернула бровями и медленно потянула шелковую ленту, развязывая чогори. Глаза Сонхва сверкнули в неверном свете напольного светильника, и красная блузка упала на пол. Не в силах сдерживаться, мужчина припал к губам возлюбленной неистовым поцелуем...»

Енын впиалась глазами в книгу, чувствуя, что вот-вот сейчас произойдет тот самый роковой шаг в пропасть. Сердце колотилось так, что на груди подпрыгивала белая ткань. Ладони вспотели, и она чувствовала,

¹ Это были куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора — всему тому, что было необходимо для развлечения мужчин из высших классов на банкетах.

как из глубин ее души поднимается что-то запретное и настолько сильное, что рядом с этим мерк даже страх перед родительским гневом. Ей вдруг страстно захотелось оказаться на месте кисен, ощутить горячие прикосновения Сонхва, испытать тот же фейерверк ощущений, который описывал автор. Но внезапное дуновение холодного воздуха затушило светильник, Енын вздрогнула и, чертыхаясь, на ощупь вылезла из своего укрытия.

Неожиданно яркая вспышка серебристого света ослепила ее даже через закрытые двери, заставив закрыть лицо руками. Сквозь пальцы Енын видела, что всего мгновение светящийся шар висел напротив ее комнаты и вдруг растворился в темноте, как клубы пара изо рта на морозном воздухе. В комнате вдруг стало очень холодно, и Енын задрожала, растирая руками замерзшие плечи. Что это было?

Во дворе слышались голоса, стук дверей, и слуги высыпали на улицу, вероятно, тоже испугавшись источника странного света. Енын наконец опомнилась и наугад ринулась обратно к ширме, впопыхах сдирая одеяло. Кое-как нащупав оброненную книгу, она поскорее запихнула ее под матрас и легла, укрывшись до подбородка. Она уже слышала приближающийся голос матушки, которая спрашивала, что произошло. Енын лежала ни жива ни мертва, надеясь, что ее не раскроют.

— На молнию не похоже, госпожа, — слышался заспанный голос Суджон. — Да и какие молнии зимой?

— Енын спит? — спросила матушка.

— Да, я проследила, чтобы она легла.